

УДК 342.72; 342.4; 341.215.4

***DIGNITATIS HUMANAЕ*: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹**

© 2021 г. И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила в редакцию 21.10.2020 г.

Аннотация. В статье сформулированы и обоснованы теоретические основы и методологическая взаимосвязь прав человека и человеческого достоинства. В ней рассматриваются комплексная природа человеческого достоинства и современная роль прав человека, международно-правовой и конституционно-правовой статус, истоки человеческого достоинства, юридические формы конституционализации взаимоотношений прав человека и достоинства личности; роль конституционализма в признании и продвижении человеческого достоинства; предлагается концепт «антропологический конституционализм», который объясняет место различных концепций человеческого достоинства.

Представлен анализ различных концепций достоинства человеческой личности в современной философии и правовой доктрине, их влияние на права человека, достойную жизнь и реализацию достоинства в течение четырех возрастов.

В статье использованы методы формально-юридического, конкретно-исторического, сравнительно-правового и комплексного анализа правовых актов, государственно-правовой практики, методы конституционно-правового проектирования и юридической герменевтики для интерпретации конституционных ориентиров и нормативных основ достоинства личности, перспектив совершенствования законодательства Российской Федерации. Новизна исследования заключается в осмыслении человеческого достоинства как гуманитарной сердцевины современного конституционализма, в разработке биосоциальной, экзистенциальной и правовой матрицы человеческого достоинства на основе философско-правовых концепций достоинства.

Ключевые слова: человеческое достоинство, конституционализация, конституционная телеология, права человека, конституция, конституционализм, достоинство как дар, достоинство как достижения, достоинство как способности, достоинство как матрица и потенциал, эгалитаризм, универсализм.

Цитирование: Кравец И.А. *Dignitatis Humanae*: философско-правовые, международные, конституционные и экзистенциальные аспекты // Государство и право. 2021. № 2. С. 26–39.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

DOI: 10.31857/S102694520013699-9

¹ В основе статьи научный доклад, представленный на XV философско-правовых чтениях памяти акад. В.С. Нерсисянца «Философия права в России: своеобразие становления, возможные и упущенные направления дальнейших исследований» (9 октября 2020 г., Институт государства и права РАН).

DIGNITATIS HUMANAЕ: PHILOSOPHICAL-LEGAL, INTERNATIONAL, CONSTITUTIONAL AND EXISTENTIAL ASPECTS²

© 2021 I. A. Kravets

Novosibirsk National research state University

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 21.10.2020

Abstract. The article formulates and justifies the theoretical foundations and methodological relationship of human rights and human dignity. It examines the complex nature of human dignity and the contemporary role of human rights, international legal and constitutional legal status, the origins of human dignity, legal forms of constitutionalization of the relationship between human rights and individual dignity; the role of constitutionalism in recognizing and promoting human dignity. The author proposes the concept of “anthropological constitutionalism”, which explains the centrality of various concepts of human dignity both in relation to constitutionalism and in relation to human rights. The article analyzes various concepts of the dignity of the human person in modern philosophy and legal doctrine, their relationship with human rights, as well as the impact on a dignified life and the realization of human dignity during 4 ages.

The author used general and specific scientific methods, formal legal, specific historical, comparative legal and complex analysis of legal acts, state-legal practice, methods of constitutional design and legal hermeneutics for interpreting the constitutional guidelines and normative bases for human dignity, prospects for improvement Russian legislation. The novelty of the research: the article reveals a new view of human dignity as the humanitarian core of modern constitutionalism, proposes a biosocial, existential and legal matrix of human dignity based on the philosophical and legal concepts of dignity, developed proposals for improving the constitutional status of human dignity.

Keywords: human dignity, constitutionalization, constitutional teleology, human rights, constitution, constitutionalism, dignity as a gift, dignity as an achievement, dignity as capacity, dignity as matrix and potential, egalitarianism, universalism.

For citation: *Kravets, I.A. (2021). Dignitatis Humanae: philosophical-legal, international, constitutional and existential aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 26–39.*

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 A.

Современный конституционализм и Dignitatis Humanae (международно-правовые и конституционные аспекты)

Конституционализм в исследованиях ученых занимает привилегированное положение. Широкий спектр научных позиций затрагивает многообразие подходов и проблематику историко-правовой ретроспекции, нормативных основ, институциональных и процедурных гарантий, перспектив развития в контексте формирования конституционной идентичности Российского государства, демократических и социальных основ конституционного правления³. Как

предмет научных изысканий конституционализм имеет широкий методологический диапазон, что признается юриспруденцией и является важной гарантией критического и рационального осмысления конституционно-правовых институтов и явлений⁴.

² The article is based on a scientific report presented at the XV philosophical and legal readings in memory of Academician Vladik S. Nersisyan “Philosophy of Law in Russia: the peculiarity of formation, possible and missed directions for further research” (October 9, 2020, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences).

³ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1983; История буржуазного конституционализма XIX в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц.

М., 1986; *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; *Ромашов Р.А.* Современный конституционализм: вопросы истории и теории. СПб., 1998; Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы международ. конф. М., 1999; *Кравец И.А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004; *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008; Современный российский конституционализм. Проблемы становления и перспективы развития / отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. М., 2017; *Кравец И.А.* Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка. М., 2017; *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.

⁴ См.: *Кравец И.А.* Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // *Общественные науки и современность.* 2020. № 4. С. 74–89.

В диапазоне научных взглядов привлекает внимание концепт «антропологический конституционализм», который призван объяснить центральное место различных концепций человеческого достоинства как по отношению к конституционализму, так и в связи со сложным многоплановым характером взаимоотношений с правами человека⁵.

Судьбы российского конституционализма (включая конституционную реформу 2020 г.) имеют противоречивый вектор развития и дилемму о том, в какой степени ценности конституционной демократии и конституционной идентичности Российского государства совпадают, а в какой различаются? В трудах В.С. Нерсисянца еще на рубеже столетий прозвучал призыв утвердить конституционализм как общегосударственную, надпартийную идеологию и интегративную общенациональную идею, которые особенно актуальны в условиях отсутствия общезначимых ценностных и мировоззренческих ориентиров, острой борьбы между различными узкопартийными идеологиями⁶. Гуманитарной и экзистенциальной основой для формирования российского конституционализма как общенациональной идеи может стать человеческое достоинство в процессе возвышения его конституционно-правового статуса и позиционирования как конституционной ценности высшего порядка. Человеческое достоинство имеет не только христианские корни возникновения и обоснования, многие теологические системы находятся в поиске собственных истоков достоинства личности в контексте существования различных культурных сред. Антропология права влияет на конституционализм через человеческое достоинство и права человека. Российский конституционализм в поисках своей идентичности создает важное *гуманитарное и экзистенциальное основание через доктрину и практику защиты и охраны достоинства личности*.

Конституционализм обращен не только к организации публичной власти, ее отраслевому (горизонтальному) и территориальному (вертикальному) распределению, к регулированию подконтрольности и ответственности публичной власти, ее подчинения конституционным принципам правления, но и к правам человека, их защите и обеспечению, созданию необходимых правовых гарантий и социальных условий всемирного развития человеческого потенциала в условиях демократического государства. Возрастает антропологический потенциал

⁵ См.: *Кравец И.А.* Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности // *Юридическая наука и практика*. 2020. Т. 16. № 3.

⁶ См.: *Нерсисянц В.С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // *Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров*. М., 2000. С. 6–10.

конституционализма как часть всемирного процесса антропологизации права. *Гуманитарной сердцевиной* конституционализма постепенно становится *человеческое достоинство* в его различных конституционно-правовых и юридических формах закрепления. Существуют разные пути, которые ведут к человеческому достоинству. Существует дискуссия об истоках достоинства как неотъемлемого качества человеческой личности или человеческого рода. В конституционализме человеческое достоинство входит под влиянием Международного билля о правах человека⁷ и международной юриспруденции прав человека, однако процесс этот не является односторонним движением. С одной стороны, ученые в области международного публичного права уделяют значительное внимание развитию принципа уважения прав человека в международном праве⁸; они видят связь человеческого достоинства с данным принципом или предлагают к осмыслению принцип уважения, защиты и охраны человеческого достоинства в качестве самостоятельного принципа международного публичного права⁹. С другой стороны, влияние международных правовых актов на конституционализм было сложным и противоречивым, многие государства привнесли существенные новации в понимание человеческого достоинства как правовой и конституционной категории (особенно ФРГ и Израиль, ЮАР в лице своих судебных органов). Важную роль для создания конституционной модели достоинства личности играет Конституционный Суд РФ, значительно расширивший «текстуальные корни» положений о достоинстве личности (в контексте толкования ч. 1 и 2 ст. 21 Конституции РФ). Современные ученые (К. Мак-Крудден, Г. Хьюз и др.) отмечают решающую значимость Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в продвижении человеческого достоинства на центральное место в дискуссиях о правах человека. По мнению ответственных редакторов коллективного труда, «достоинство человека было утверждено в 1948 году как основополагающая концепция Всеобщей декларации прав человека»¹⁰.

Философско-правовое значение Всеобщей декларации прав человека заключается в том, что она: 1) символизировала *интернационализацию*

⁷ См.: The International Bill of Human Rights Web – United Nations. Human Rights Office of the High Commissioner. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Compilation1.1en.pdf>

⁸ См.: *Карташкин В.А.* Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2019. С. 38.

⁹ См.: *Кравец И.А.* Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // *Журнал рос. права*. 2019. № 1. С. 111–128.

¹⁰ The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth (eds). Cambridge, 2014. P. XVII.

человеческого достоинства и прав человека в неразрывном единстве; 2) содействовала универсализации человеческого достоинства без каких-либо отсылок к метафизическим и теологическим основаниям; 3) создала космополитическую (международно-правовую) почву для поиска и философско-правового обоснования различных правовых форм взаимодействия человеческого достоинства и прав человека в условиях различных государств и разнообразных культур. Сначала Комитет философов под руководством ООН, затем созданная Комиссия ООН по правам человека внесли вклад в создание Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; они стремились концептуально и нормативно реализовать новый геополитический призыв. Как отмечает Гордон Браун, «на руинах Второй мировой войны появился призыв к соблюдению основных прав человека»¹¹, который и был реализован через Всеобщую декларацию как акт универсального характера. У Всеобщей декларации есть не только сторонники, но и противники, стремящиеся поставить под сомнение состоятельность этого акта, особенно в контексте соответствия ее положениям деятельности многих государств — членов ООН и самой международной организации, которая не обеспечивает работу этого акта, когда международное сообщество или отдельные государства сталкиваются со случаями геноцида или становятся жертвами злодеяний¹². Во взглядах на процесс «интернационализации прав человека», ярким примером которого стала Всеобщая декларация прав человека, определенное место занимает доктрина о «морализации мировой политики»¹³ под воздействием международных правовых актов и самой истории прав человека.

Достоинство имеет многоплановый характер, поэтому невозможно однозначно ответить на вопрос, какую роль играет человеческое достоинство в концептуальном и судебно-практическом плане: выступает ли оно или исключительно важным основанием прав человека или является субъективным правом, или это «собирательный образ» и синоним прав человека? С точки зрения К. Мак-Круддена, «суды используют понятие достоинства только для того, чтобы скрыть, например, отсутствие теории о том, как разрешить конфликт несоизмеримых ценностей. Вместо того чтобы делать выбор между конфликтом прав, они

представляют конфликт как внутреннюю проблему достоинства». Сложные проблемы реализации и ограничения прав человека приводят судей к «обнаружению достоинства», которое как заместитель берет на себя риторическую функцию¹⁴. Следовательно, растущее влияние и популярность концепции человеческого достоинства, в т.ч. среди судей, объясняется значительностью риторической функции, которую она выполняет. По мнению других, Всеобщая декларация прав человека именуется как «Всемирный манифест гуманизма»¹⁵. Она не случайно отказалась от каких-либо религиозных ссылок на источник человеческого достоинства или от метафизического оправдания для его существования; это было необходимо для того, чтобы подтвердить всеобщность и неотъемлемость человеческого достоинства и в то же время расширить универсальную обоснованность самих прав человека.

М. Новак утверждал, что во Всеобщей декларации прав человека не должна отражаться общая теория о человеческой природе и судьбе; в ней должен быть использован не теоретический, а в высшей степени практический язык; он позволяет избегать всех метафизических и религиозных формулировок для человеческого достоинства. «Человек гораздо более специфичен для человеческой расы; это гораздо более гуманистический термин». Что же делает человека больше, чем просто индивидуумом? Конечно, это «духовная способность: способность размышлять и выбирать, быть одаренным богатым воображением и творческим, быть исходным источником действий»¹⁶. Г. Хьюз полагает, что «неотъемлемое человеческое достоинство является основополагающим фактом и ценностью, на которых основывается утверждение прав» во Всеобщей декларации прав человека¹⁷; такое представление о достоинстве как основании прав (в различных юридических модификациях) нашло отражение в многочисленных хартиях, конвенциях и конституциях, принятых после 1948 г.

Человеческое достоинство выполняет учредительную роль по отношению к правам человека; это определенный аналог учредительной власти для конституции и правопорядка. Какую роль

¹⁴ См.: McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 722.

¹⁵ Tatsiy V. The Universal Declaration of Human Rights: The Worldwide Humanism Manifesto // KritV, CritQ, RCrit. Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / Critical Quarterly for Legislation and Law / Revue critique trimestrielle de jurisprudence et de legislation. 2016. Vol. 99. No. 1. P. 14–19.

¹⁶ Novak M. Human Dignity, Human Rights // First Things. 1999, 97 (November). P. 39–42.

¹⁷ См.: Hughes G. The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights // The Journal of Religious Ethics. 2011. Vol. 39. No. 1. P. 4.

¹¹ Brown G. (ed.) The Universal Declaration of Human Rights in the 21st Century: A Living Document in a Changing World. Cambridge, UK, 2016. P. 1–6.

¹² См.: Dolinger J. The Failure of the Universal Declaration of Human Rights // The University of Miami Inter-American Law Review. 2016. Vol. 47. No. 2. P. 165–167.

¹³ Moyn S. The First Historian of Human Rights // The American Historical Review. 2011. Vol. 116. No. 1. P. 79.

учредительная власть играет по отношению к созданию конституции и правопорядка, такую человеческое достоинство играет по отношению к каталогу прав человека. Учредительная функция человеческого достоинства имеет метаправовой характер по отношению к правам человека (а не исторический, с точки зрения возникновения и развития). Она не отражает какую-либо историческую обусловленность прав человека; скорее она обнаруживает взаимосвязь метаюридического характера между достоинством и правами человека.

Возникла трудность, с которой столкнулась созданная в 1946 г. Комиссия по правам человека ООН при определении статуса человеческого достоинства во взаимосвязи с правами человека. С одной стороны, был поставлен вопрос, «как придать форму правозащитному режиму юрисдикции в рамках структуры, которая зависит от существующих режимов и форм государственной власти»¹⁸. Комиссия по правам человека ООН оказалась плодотворной площадкой, «вполне способной сформулировать концепцию человеческого достоинства и прав человека, но не вполне способной преодолеть препятствия на пути ее реализации»¹⁹ во многом благодаря существенным разногласиям между США и СССР и проблеме согласования государственного суверенитета и потребностей создания правозащитной юрисдикционной практики на международном уровне. Человеческое достоинство, положенное в основу Всеобщей декларации прав человека, отражало интеллектуальное стремление создать «надежные и предсказуемые средства политической и правовой защиты»; а сама декларация была призвана стать «продуктом мыслей, надежд и ожиданий человечества»²⁰.

С другой стороны, как отмечают исследователи, «фигура человеческого достоинства, которую было так трудно воплотить в жизнь в рамках Организации Объединенных Наций, впоследствии способствовала распространению практики в других местах»²¹. Создатели проекта декларации надеялись на «интернационализацию прав человека», которая окажет сильное влияние, чем любая национальная норма о правах человека²². В определенной степени данное ожидание оправдалось и появились конституционные нормы о человеческом достоинстве в конституционализме. Комиссия по правам человека ООН, возглавляемая Э. Рузвельт, предприняла некоторые меры для того, чтобы человеческое

достоинство было связано с государственным суверенитетом и в то же время не лишало государства возможности вносить собственный вклад в культурную и иную специфику понимания и обеспечения достоинства и прав человека. Освобождение текста Всеобщей декларации прав человека 1948 г. от религиозных (христианских) истоков человеческого достоинства сделало возможным рассматривать это качество человеческой личности как *всеобщее и неотъемлемое* с ясным осознанием влияния на его современное понимание *христианской антропологии*.

Возникшая в ходе работы Комиссии по правам человека философская и концептуальная преграда об источниках человеческого достоинства была преодолена посредством юридической процедуры. Поскольку делегаты не могли прийти к единому мнению об истоках человеческого достоинства, председатель Э. Рузвельт просто закрыла дискуссию. Процедурно прекращение дискуссии в дальнейшем позволило расширить спрос на человеческое достоинство применительно к различным государствам. Но поскольку вопрос был отложен в сторону, он не прекратил свое существование в научных и общественных дискуссиях. Соломоново решение заключалось в том, что, во-первых, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. не будет явного упоминания об источнике человеческого достоинства; во-вторых, язык, который, как казалось, отдавал предпочтение одной философской позиции перед другой, не попал в текст Декларации. Фраза «человеческое достоинство» была отделена от какого-либо явного референта, концепции, философского объяснения или политического оправдания²³. Между тем отсутствие во Всеобщей декларации прав человека упоминания о христианских и, значит, теологических корнях человеческого достоинства не только не мешает видеть христианские корни этого человеческого качества в контексте «образа Бога» с позиций исторических, интеллектуальных истоков достоинства, но, что еще более важно, открывает перспективу поиска и обнаружения и иных культурных и теологических оснований для достоинства человека в условиях культурного, религиозного полиморфизма.

Человеческое достоинство: абсолютное или относительное; ценность, качество, матричный принцип

Полемика вокруг человеческого достоинства уже является выражением многомерности данного понятия. С одной стороны, использование человеческого достоинства обращает внимание и на его риторическую силу, и на конкретный образ

¹⁸ Bennett G. *Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth*. New York, 2016. P. 134.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Tatsiy V. Op. cit.* P. 14.

²¹ Bennett G. *Op. cit.* P. 134, 135.

²² См.: *Dolinger J. Op. cit.* P. 169.

²³ См.: *Bennett G. Op. cit.* P. 141.

воплощения. С другой — человеческое достоинство есть свойство человеческой личности, которое многогранно и связано не с какой-либо одной или несколькими сторонами и качествами человека, а со всей полнотой его человеческих качеств.

Первый вопрос касается ценности человеческого достоинства. Абсолютным или относительным является оно. Можем ли мы в данном случае применить характеристику различий, которую дают абсолютным и относительным правам? Отчасти да и отчасти нет. Онтологическая ценность человеческого достоинства абсолютна; приобретая характер правовой категории и взаимодействуя с правами человека в повседневной реальности, человеческое достоинство приобретает черты относительного понятия, особенно в контексте его социального развертывания и правового обеспечения как субъективного права. Только в качестве правовой или высшей конституционной ценности человеческое достоинство сохраняет абсолютный характер.

Второй вопрос о целостности достоинства, который связан с первым вопросом. Должны ли мы отстаивать онтологическую целостность достоинства как понятия и человеческого качества, в т.ч. перед лицом трансгуманизма, геной инженерии и иных биотехнологий? Целостность достоинства питается матричным принципом, который указывает на взаимосвязь со всей полнотой человеческих качеств, которые имеют генетическую предопределенность («ген достоинства содержится и в человеческом эмбрионе»), и в то же время их развитие возможно в благоприятных социальных условиях в конкретном обществе. Трансгуманизм может обосновывать, а геной инженерия приводит к нарушению онтологической целостности человеческого достоинства, поэтому право на международном и внутригосударственном уровне должно обеспечивать генетическое равноправие человека на основе достоинства перед лицом будущих поколений.

Dignitatis Humanae как антропологическое сердце конституционализма и философии прав человека

В условиях реализации конституционной реформы 2020 г. актуализируется обращение к философским и правовым истокам и концепциям обоснования человеческого достоинства как перспективной идеи и концепта, который может выступать гуманитарным и экзистенциальным ключом для широкой парадигмы конституционной самобытности. Подход к человеческому достоинству с широкими правовыми, гуманитарными и экзистенциальными оснований позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения конституционализма и прав человека, с одной стороны, и на взаимосвязь человеческого достоинства и прав человека — с другой.

Важной оказывается возможность влияния человеческого достоинства на *круг (перечень) оснований равноправия* в современном конституционализме и публичном правопорядке. Хотя человеческое достоинство может претендовать на статус высшей конституционной ценности в теории и практике судебного конституционализма²⁴, его значение в публичной сфере и в публичном дискурсе более значительно. Как отмечает медиевист Р.К. Дейлз, «от взглядов общества на человеческое достоинство, сознательно или бессознательно, зависят многие другие важные вопросы»²⁵. К таким вопросам относятся не только очевидные вопросы о том, как человек ведет себя или должен вести себя по отношению к другим членам общества и другим группам, но также его отношение к своему материальному окружению; ценность, которую он придает различным видам человеческой деятельности: следует ли искать или презирать богатство и славу, быть воином или мирным человеком; ценить активную или созерцательную жизнь в соответствии со светским или религиозным мировоззрением. В такой же степени концепции достоинства влияют на виды ответственности, которые человек берет на себя и связывает со своей деятельностью.

Нередко человеческое достоинство рассматривается как неотъемлемое свойство человека, составляющее основу признания и уважения всех его прав и свобод и принадлежащее ему независимо от того, как он сам и окружающие воспринимают и оценивают его личность²⁶. Представляется важным оценивать достоинство и в контексте *меритократических достижений*, и как выражения *эгалитарного универсализма*. Обе концепции (меритократическое понимание достоинства и достоинство как основа эгалитарного универсализма) по-разному влияют на границы понимания и сферы гарантирования как самого достоинства, так и взаимосвязанных с ним прав и свобод личности. В ряде случаев *онтологическое значение человеческого достоинства уступает место риторической силе*, с которой оно используется в научных дебатах. Как пишет У. Гейлин, выступая в защиту достоинства человеческого существа, человеческое достоинство — одно из понятий, которые (как и определённые книги) «выставляются» на видном месте и обсуждаются в интеллектуальных обителях; по его мнению, «уважение человеческого достоинства», «право на достоинство», «достойное

²⁴ См.: Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

²⁵ Dales R. C. A Medieval View of Human Dignity // Journal of the History of Ideas. 1977. Vol. 38. No. 4. P. 557.

²⁶ См.: Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2016. С. 187.

обращение» и даже «достойная смерть» — всё это «крылатые фразы, циркулирующие в современном мире идей»²⁷.

Российские ученые развивают представления о роли человеческого достоинства в конституционализме. Они часто неосознанно исходят из определенных философских категорий и концепций достоинства. На наш взгляд, философские основания человеческого достоинства наиболее продуктивно рассматривать в контексте взаимосвязи с правами человека, т.к. достоинство человека и его права существуют с давних пор и в современную эпоху преобладания ценностей демократического эгалитаризма отражают важный этап конвергенции равного достоинства и универсализма прав человека.

Два ключевых фактора в современной дискуссии определяют понимание человеческого достоинства: 1) фактор отсутствия согласия в концептуальном осмыслении достоинства и ясности, точности его определения; 2) фактор повышенной моральной, экзистенциальной и правовой ценности человеческого достоинства в различных дискуссиях о правах человека, конституционализме, биоэтике и трансгуманизме.

Под достоинством понимается неотъемлемое качество человеческой личности, которое выражает два взаимосвязанных элемента: 1) самоуважение и самоценность; 2) признание ценности человеческой личности и уважение к ней со стороны других²⁸.

С позиций правовой экзистенции, международной публично-правовой этики и конституционализма человеческое достоинство представляет общечеловеческую ценность с культурной и географической спецификацией, т.к. им обладает каждый представитель человеческого рода, оно связано с автономией лица и самореализацией таким лицом своих способностей в условиях культурных, географических и правовых различий. *Человек достойный (homo dignus)* как характеристика человеческого существа — это результат воздействия гуманистической идеей Возрождения, представлений о человеческой личности через призму прав человека, конституционализма и человеческого процветания. Значительный вклад Дж. П. дела Мирандола (в интерпретацию достоинства человека) состоит в том, что он акцентировал свою позицию на понимании достоинства человека одновременно как божественного дара и результата самотворения

и саморазвития человеческих качеств в обществе²⁹. Саморазвитие способностей, этого божественного дара, рассматривается в качестве продолжения божественного творения. В работе «Специалисты человеческого достоинства» утверждается, что «человеческое достоинство было рационализировано и стало главной чертой современного политического ландшафта»; в послевоенный период оно соединило старые и новые аргументы и институциональные механизмы для своего обеспечения; каким бы отличительным человеческое достоинство ни было в современную эпоху, оно «не является достижением чистого изобретения»³⁰. Наиболее влиятельное положение человеческое достоинство получило по отношению к правам человека. Его стали рассматривать комплексно в терминах защиты и обеспечения прав человека, основных свобод личности, содействия социальному благополучию, взаимной терпимости и взаимного уважения³¹.

Достоинство человека в широком смысле становится новым фундаментальным ценностным основанием для равенства (по различным основаниям, в том числе генетическим) и равноправия людей, хотя и выделяет человека среди других живых существ более высоким моральным, экзистенциальным и правовым статусом. Еще Р. Дворкин отмечал, что сама идея прав человека зависит от «расплывчатой, но мощной идеи человеческого достоинства»³². Второй влиятельной идеей он считал идею политического равенства. Соединяясь и преобразуя друг друга, обе идеи содействуют возникновению концепта *равного достоинства* (не только в политической сфере), который оказывает воздействие на внутригосударственную и международную правовую политику в области прав человека, биоэтики, определяя в перспективе границы государственного принуждения и пределы ограничения прав и свобод личности, вырабатывая точные и гибкие границы взаимодействия принципа пропорциональности и принципа уважения, защиты и охраны достоинства личности в различных сферах правового регулирования. Идея «человеческого достоинства» пользуется выдающимся статусом в национальных конституциях (в т.ч. в Конституции РФ 1993 г.), в международном публичном праве прав человека. Парадокс человеческого

²⁹ См.: Мирандола Дж. П. дела. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. / М.Ф. Овсянников (отв. ред.). М., 1962. Т. 1. С. 506–514.

³⁰ Bennett G. Op. cit. P. 21.

³¹ См.: Quataert J. Advocating Dignity: Human Rights Mobilizations in Global Politics. Philadelphia, 2011. P. 4.

³² Dworkin R. A Special Supplement: Taking Rights Seriously. The New York Review of Books. 1970. Vol. 15. No 11, December 17; Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, 1977. P. 198.

²⁷ Gaylin W. In Defense of the Dignity of Being Human // The Hastings Center Report. 1984. Vol. 14. No. 4. P. 18.

²⁸ См.: Кравец И. Homo Dignus в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 26–37.

достоинства как символа заключается в том, что при широком и весьма разнообразном его использовании в качестве универсальной основы прав человека оно «неловко сочетается с отсутствием точного определения»; оно «не имеет конкретного значения или последовательного определения»³³.

Человеческое достоинство имеет и моральную, и правовую, и экзистенциальную ценность, т.к. право и мораль пронизывают бытие человека и реализацию его прав. Комплексному пониманию ценности человеческого достоинства наиболее близка концепция права-как-целостности Р. Дворкина³⁴. Примененная к достоинству личности, концепция права-как-целостности показывает в практике конституционного судопроизводства, что оперировать достоинством применительно к защите отдельных прав и свобод невозможно, не опираясь или на принцип равноправия, или на принцип соразмерного ограничения прав и свобод, или на принцип балансирования. Недостаточно ограничиваться и пониманием ценности достоинства личности как гарантирующей «любому субъекту базовый пакет прав и свобод»³⁵. Во-первых, философский тезис о коррелирующей связи человеческого достоинства и базового пакета прав и свобод продуцируется не историей развития человеческого достоинства как понятия и скорее всего вытекает из юридической (международно-правовой доктрины) поколений прав человека, сформированной и провозглашенной в 70-х годах XX в. Именно в этой доктрине человеческое достоинство как правовая категория было отнесено к первому поколению прав человека. Однако как с историко-правовой точки зрения, так и в ретроспективном анализе создания Международного билля о правах человека эта позиция (об отнесении человеческого достоинства к первому поколению прав человека) не представляется обоснованной. Именно базовый пакет прав и свобод чаще всего ассоциируется с первым поколением прав человека; в то время как достоинство в категориях прав появилось значительно позже, после 1946 г. не только в международном публичном праве, но и в конституционном законодательстве многих государств и широкое распространение получило именно после обнаружения доктрины о поколениях прав человека. Во-вторых, определяя взаимосвязь человеческого достоинства и поколений прав человека в правовом диапазоне важно отметить значение не столько философской

позиции (ошибочной с международно-правовой и исторической точек зрения), сколько юридических (государственно-правовых и международно-правовых) гарантий охраны и защиты человеческого достоинства, которые и создают возможность установления связей между достоинством человека и его правами. В-третьих, достижения юриспруденции и философии прав человека показывают, что достоинство человека сосуществует со всем каталогом прав и свобод и взаимосвязано с различными поколениями прав человека. Поэтому государственная политика в области обеспечения достоинства и прав человека уже поглотила базовый пакет и распространяет свое влияние на права и свободы, сферы обеспечения достоинства в новом тысячелетии, которые находятся под влиянием социального благополучия, биомедицины и новых биотехнологий. К таким относительно новым областям относятся: а) обеспечение достоинства в социальной сфере в контексте обоснования права на социальное благополучие³⁶; и б) анализ человеческого достоинства в качестве основания для генетического равноправия и исследования генома человека; и в) проблема онтологической целостности, перспектив возможной трансформации человеческого достоинства под влиянием идей трансгуманизма и этики человеческого улучшения в контексте использования технологических инноваций и формирования трансгуманитарного права³⁷; г) комплексное понимание генезиса «человеческого достоинства» как основы морального этоса различных поколений прав человека, и особенно его роль в формировании нового языка глобальной биоэтики, биоправа³⁸.

Таким образом, дискуссия о сосуществовании человеческого достоинства и прав человека расширяется благодаря новым областям и уже не ограничивается только базовым пакетом прав человека. Особое внимание уделяется проблеме расширения сферы использования человеческого достоинства как применительно к эмбриону человека, так и в отношении тканей человека, не содержащих эмбриональные клетки (неэмбриональные ткани человека).

³⁶ См.: *Кравец И. А.* Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53.

³⁷ См.: *Bostrom N.* Dignity and Enhancement. In *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. Washington, D.C., 2008. P. 173; *Iuga I.* Transhumanism Between Human Enhancement and Technological Innovation // *Symposium*. 2016. Vol. 3 (1). P. 79–88; *Kirchhoffer D. G.* Human Dignity and Human Enhancement: A Multidimensional Approach // *Bioethics*. 2017. Vol. 31 (5). P. 375. DOI: 10.1111/bioe.12343.

³⁸ См.: *Barilan Y. M.* Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw. Cambridge, MA, 2012. P. 1–22.

³³ *Lee M. Y. K.* Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // *Asian Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 3 (1). Article 10. P. 1.

³⁴ См.: *Dworkin R.* *Law's Empire*. Cambridge, Massachusetts, 1986.

³⁵ *Тетёркин А. А.* Как сегодня должно пониматься уважение к достоинству человека? // *Вопросы философии*. 2020. № 2. С. 39.

Сосуществование человеческого достоинства и прав человека в конституционализме и философии права (особенно в отношении философских оснований юриспруденции прав человека) имеет несколько (а именно четыре) концепций, отражающих взгляды на человеческое достоинство.

В *первой концепции* человеческое достоинство предстает одновременно как *дар* и *наследие*, которые интерпретируются в контексте различных источников. Если достоинство человека — это дар и наследие, то вполне возможен вопрос: какой дар — божественный, генетический, дар создателя и природы, продукт генезиса и развития человеческой природы? Данная концепция имеет широкий круг сторонников. В отношении источников дара и наследия мнения могут расходиться. Идеи трансгуманизма, развития человеческого потенциала, геновая инженерия и возможности редактирования генома человека влияют на развитие представлений об источниках дара и наследия. Доктрина имеет теологические и гуманистические источники влияния. К этим источникам, опирающимся на христианские корни, идею божественного подобия и идеи Возрождения, добавляются генетические корни, которые связывают идею достоинства с идеей генетического равноправия человека как представителя человеческого рода. О врожденном характере человеческого достоинства писали представители естественных прав и естественного права, такие как Т. Пейн, Дж. Финнис. Общее у сторонников обнаружения теологических и метафизических корней человеческого достоинства следующее: их объединяет позиция о том, что человек в силу самого факта принадлежности к человеческому роду обладает достоинством как качеством, делающим его таким особенным в сравнении с представителями других видов на земле. Например, П. Ли и Р.П. Джордж утверждают, что все люди независимо от возраста, размера, стадии своего развития или немедленно реализуемых способностей имеют «одинаковое фундаментальное достоинство»³⁹. Человек обладает достоинством с самого начала человеческой жизни, и этот дар уже заложен в человеческом эмбрионе, который, однако, может и не проявиться, если зародыш не родится. Поэтому охрана человеческого эмбриона с правовой точки зрения необходима; право и государство обеспечивают медицинское и правовое сопровождение эмбриона, пока он не появится на свет. Основная проблема достоинства как дара именно в том, что остается нерешенным вопрос, как нужно подходить к классификации периодов жизни человека (детство, юность, зрелость,

старость). Если мы придерживаемся последовательно концепции дара, то должны отвергать всякую возможность дифференциации достоинства и средств его обеспечения в различные периоды жизни человека. С философско-правовой позиции отношение к эмбриону скорее всего не может быть таким же, как отношение к ребенку, пожилому человеку или лицу, впавшему в деменцию. Достоинство человека на разных этапах его жизни требует различных конституционных, правовых и государственных гарантий реализации, которые необходимо учитывать и отражать в законодательстве. Отсюда формируется представление о том, что достоинство как дар принадлежит каждому человеку, но возникает вполне закономерные сомнения, что не каждый человек в одинаковой степени может воспользоваться этим наследием. Исследователи могут неодинаково определять момент «самого начала» возникновения достоинства, но следует учитывать, что *человеческий эмбрион уже одарен ядром («геном») достоинства*.

Во *второй концепции* достоинство сохраняет связь со своим римским происхождением («*dignitas*»), это ценность, которая отражает приобретенные социальные и иные публичные заслуги. Профессор из Университета Амстердама Г.А. ден Хартог полагает, что понятие достоинства имеет ясное значение: «это повышенный статус в статусном рейтинге»⁴⁰; подобный статус некоторого существа делает уместным почтительное отношение к нему. Сторонники данной концепции утверждают, что достоинство человека — это *социальная честь и достижение*, результат признания публичной деятельности человека, его заслуг и успехов. В понимание достоинства заложены *меритократические черты*. Таким образом, *меритократическая концепция достоинства* включает важные показатели социальных и публичных достижений. Хотя Ю. Хабермас не является сторонником данной концепции, он отмечает, что связь достоинства с заслугами неизбежно приводит нас к пониманию «социальной чести»⁴¹. Правовая и экзистенциальная опасность такого подхода заключается в стремлении сохранить как имманентную ценность общественного признания достоинства через достижения, появляющиеся в результате многоплановой человеческой деятельности. Достоинство как достижение отсылает к иерархическим обществам и римскому понятию *dignitas*; заслуги и должности определяли высокий статус лица и признание

³⁹ Lee P., George R. P. The nature and basis of human dignity. In Human dignity and bioethics, ed. President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 409.

⁴⁰ Hartogh G. den. Is human dignity the ground of human rights? // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword & D. Mieth (eds.). Cambridge, 2014. P. 201.

⁴¹ Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // Metaphilosophy. 2010. Vol. 41 (4). P. 472.

их государством. Достоинство в этом смысле все еще остается внешним социальным выражением чести; и в истории философской мысли часто смешивались или разводились эти понятия (честь и достоинство), но, что важнее всего, они были двумя сторонами одной и той же медали: внутренним (честь) и внешним (достоинство) выражением социального, родового, сословного признания человеческих достижений (или по праву крови, или по праву своих способностей). Философия прав человека в контексте данного подхода к пониманию достоинства требует отношения к основаниям дифференциации правового статуса личности. Законодательство, очевидно, отражает стремление установить значимые различия конституционного и правового статуса различных групп индивидов. Появляются субъекты права с особенностями правового положения. Специфика статуса отдельных категорий лиц, как правило, наделенных публично-властными полномочиями (судей, президентов, других публичных должностных лиц), предполагает и наличие юридических средств защиты, и особую охрану *достоинства должностей*.

Третья концепция человеческого достоинства связывает это неотъемлемое качество человеческой личности со способностями и возможностями человека. Человеческое достоинство — это воплощенные в человеческой природе *способности к развитию и самореализации*. Доктрина *достоинства как способностей* (представлена в работах М. Нуссбаум) стремится раскрыть взаимосвязь между правами человека, способностями конкретного индивида и условиями их реализации. Две ветви данного подхода различным образом развивают представления о гарантиях реализации достоинства как способностей. Первая ветвь указывает на различия в способностях, которыми обладает каждый индивид от природы; помимо этого знания, умения и навыки приобретаются благодаря человеческой деятельности и зависят в т.ч. от того, обладает ли человек физическими или умственными недостатками и от того, как они проявляют себя в различные периоды жизни человека. Но следует ли из этого, что не все люди, а только люди с особыми способностями могут иметь достоинство? Такой вывод отрицал бы сам факт генетического равноправия людей. Следовательно, необходимо признавать за человеком право на развитие своих способностей как человеческого достоинства, даже если исходить из изначальной неполноты способностей у зародыша или ребенка.

Вторая ветвь рассуждений тяготеет к *эгалитарному универсализму достоинства и генетическому равноправию людей*. Для конституционализма характерно стремление продвигать принцип равного достоинства как равных возможностей и обеспечения генетического равноправия. Следовательно,

важный вывод требует, чтобы конституционные и государственно-правовые гарантии обеспечения достоинства и условий жизни лица были тем интенсивнее, чем в большей степени лицо нуждается в них из-за физических, социальных или ментальных особенностей (способности инвалида, лица, страдающего деменцией требуют большей заботы и внимательного гарантирования).

В *четвертой концепции* человеческое достоинство является олицетворением человеческого потенциала. Человеческое достоинство — это потенциал, содержащийся в человеческой природе, и одновременно — гуманистическая и экзистенциальная матрица различных возможностей и способностей человека. Существует связь между всеми концепциями достоинства, если мы смотрим на это качество человеческой личности *системно* или с позиций *матричного видения*; но особенно ясно обнаруживается связь между первой, третьей и четвертой концепциями. Ведь достоинство как потенциал уже должно присутствовать в человеческом эмбрионе в генетическом виде; далее потенциал человека реализуется через его способности и возможности, которые, в свою очередь, в обществе и государстве облекаются в разнообразные правовые формы и правомочия, которые становятся правами, свободами и обязанностями лица, его законными интересами. Исследователи обоснованно отмечают, что *достоинство как потенциал требует разрешения определенной проблемы, которая базируется на нескольких тезисах: 1) общий генетический дар и существенные различия способностей отдельных людей не позволяют в одинаковой степени обеспечивать реализацию человеческого достоинства; 2) если признавать в человеческом достоинстве отражение человеческих качеств (а само достоинство как матрицу таких качеств, способностей и возможностей), права человека должны дифференцироваться с возрастом лица (четыре возраста реализации достоинства) и само право должно устанавливать и различным образом регулировать реализацию человеческого потенциала, обусловленного возрастом и способностями*. Поэтому концепция достоинства как потенциала, по-видимому, должна учитывать проблему *расслоения эгалитарного универсализма достоинства*. В человеческом эмбрионе (генетически) хранится сама способность к социальному разворачиванию достоинства. Ф. Фукуяма считает, что «каждый член человеческого рода обладает генетическим даром, который позволяет ему или ей стать целым человеком, даром, который отличает человека по существу от других типов существ»⁴². Биоконсерватизм (выразителем которого является Ф. Фукуяма) требует сохранения этого дара в неприкосновенности. Для социального разворачивания

⁴² Fukuyama F. Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution. New York, 2002. P. 171.

человеческого потенциала важно не только признать факт обладания достоинством каждым человеком в одинаковой степени, но создавать необходимые социальные и экономические условия для реализации способностей человека. Позиция М. Нуссбаум как нельзя лучше характеризует взаимосвязь достоинства как потенциала и социальных условий его раскрытия; она обоснованно заявляет о взаимосвязи реализации достоинства (достоинств в категориях способностей) и достойных, гуманных условий человеческой жизни. Взгляды ее не оставались неизменными, хотя ядро научной рациональности сохранилось; она скорректировала свою позицию относительно того, что рациональность (возможность выбора) не может в одинаковой степени принадлежать обыкновенным людям и тем, кто страдает психическими отклонениями.

По ее мнению, крайне важно не основывать приписывание человеческого достоинства какой-либо одной «базовой способности» (например, рациональности). Такой подход «исключает из человеческого достоинства многих людей с тяжелыми психическими расстройствами». «Даже если мы перейдем, — утверждает она, — к каким-то другим способностям, таким как способность к социальному взаимодействию или заботе, многие люди все равно будут исключены». Вместе с тем человеческий потенциал — это сложная, комплексная категория и биосоциальная реальность. Практический подход для юриспруденции и государственной политики должен сохранять важную сентенцию: «всегда лучше действовать так, как если бы каждый был способен ко всем основным внутренним способностям, и прилагать неустанные усилия, чтобы поднять каждую из них выше порога»⁴³. Здесь важно понять, что способности лица, обремененные в права и правомочия, должны быть дифференцированы для успешной реализации и обеспечения в четырех основных возрастах человека.

* * *

Таким образом, четыре концепции человеческого достоинства взаимосвязаны и с правами человека, и между собой. Их следует рассматривать как различные стороны многоаспектной и комплексной категории «человеческое достоинство». Данные концепции во взаимодействии с правами человека образуют биосоциальную и экзистенциальную матрицу человеческого достоинства, которая имеет различные правовые формы регулирования.

⁴³ *Nussbaum M.* Human Dignity and Political Entitlements. In *Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics.* Washington, 2008. P. 362–365. (P. 351–380.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабури С. Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.
2. *Бондарь Н. С.* Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
3. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1983.
4. История буржуазного конституционализма XIX в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986.
5. *Карташкин В. А.* Права человека и принципы международного права в XXI веке. М., 2019. С. 38.
6. *Кравец И.* Номо Dignus в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 26–37.
7. *Кравец И. А.* Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 3.
8. *Кравец И. А.* Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 111–128.
9. *Кравец И. А.* Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53.
10. *Кравец И. А.* Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка. М., 2017.
11. *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004.
12. *Кравец И. А.* Система конституционализма и учредительная власть в условиях глобализации: некоторые современные подходы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 74–89.
13. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008.
14. *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
15. *Мирандола Дж. П. дельла.* Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. / М. Ф. Овсянников (отв. ред.). М., 1962. Т. 1. С. 506–514.
16. *Нерсесянц В. С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сб. ст. / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2000. С. 6–10.

17. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. М., 2016. С. 187.
18. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории. СПб., 1998.
19. Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы междунар. конф. М., 1999.
20. Современный российский конституционализм. Проблемы становления и перспективы развития / отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. М., 2017.
21. Темёркин А.А. Как сегодня должно пониматься уважение к достоинству человека? // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 39.
22. Barilan Y.M. Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw. Cambridge, MA, 2012. P. 1–22.
23. Bennett G. Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth. New York, 2016. P. 21, 134, 135, 141.
24. Bostrom N. Dignity and Enhancement. In Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, D.C., 2008. P. 173.
25. Brown G. (ed.) The Universal Declaration of Human Rights in the 21st Century: A Living Document in a Changing World. Cambridge, UK, 2016. P. 1–6.
26. Dales R. C. A Medieval View of Human Dignity // Journal of the History of Ideas. 1977. Vol. 38. No. 4. P. 557.
27. Dolinger J. The Failure of the Universal Declaration of Human Rights // The University of Miami Inter-American Law Review. 2016. Vol. 47. No. 2. P. 165–167, 169.
28. Dworkin R. A Special Supplement: Taking Rights Seriously. The New York Review of Books. 1970. Vol. 15. No 11, December 17.
29. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Massachusetts, 1986.
30. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, 1977. P. 198.
31. Fukuyama F. Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution. New York, 2002. P. 171.
32. Gaylin W. In Defense of the Dignity of Being Human // The Hastings Center Report. 1984. Vol. 14. No. 4. P. 18.
33. Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // Metaphilosophy. 2010. Vol. 41 (4). P. 472.
34. Hartogh G. den. Is human dignity the ground of human rights? // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword & D. Mieth (eds.). Cambridge, 2014. P. 201.
35. Hughes G. The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights // The Journal of Religious Ethics. 2011. Vol. 39. No. 1. P. 4.
36. Iuga I. Transhumanism Between Human Enhancement and Technological Innovation // Symposion. 2016. Vol. 3 (1). P. 79–88.
37. Kirchhoffer D.G. Human Dignity and Human Enhancement: A Multidimensional Approach // Bioethics. 2017. Vol. 31 (5). P. 375. DOI: 10.1111/bioe.12343.
38. Lee M. Y.K. Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // Asian Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 3 (1). Article 10. P. 1.
39. Lee P., George R.P. The nature and basis of human dignity. In Human dignity and bioethics, ed. President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 409.
40. McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 722.
41. Moyn S. The First Historian of Human Rights // The American Historical Review. 2011. Vol. 116. No. 1. P. 79.
42. Novak M. Human Dignity, Human Rights // First Things. 1999, 97 (November). P. 39–42.
43. Nussbaum M. Human Dignity and Political Entitlements. In Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 362–365. (P. 351–380.)
44. Quataert J. Advocating Dignity: Human Rights Mobilizations in Global Politics. Philadelphia, 2011. P. 4.
45. Tatsiy V. The Universal Declaration of Human Rights: The Worldwide Humanism Manifesto // KritV, CritQ, RCrit. Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / Critical Quarterly for Legislation and Law / Revue critique trimestrielle de jurisprudence et de legislation. 2016. Vol. 99. No. 1. P. 14–19.
46. The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth (eds). Cambridge, 2014. P. XVII.

REFERENCES

1. Baburin S.N. Integration constitutionalism. М., 2020 (in Russ.).
2. Bondar N.S. The constitutional category dignity in the value measurement: theory and judicial practice // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 4. P. 19–31 (in Russ.).
3. The history of bourgeois constitutionalism XVII–XVIII centuries / ex. ed. V.S. Nersesyants. М., 1983 (in Russ.).
4. The history of bourgeois constitutionalism nineteenth century / ex. ed. V.S. Nersesyants. М., 1986 (in Russ.).

5. *Kartashkin V.A.* Human rights and the principles of international law in the XXI century. M., 2019. P. 38 (in Russ.).
6. *Kravets I.* Homo Dignus in philosophical and legal discourse: human dignity and the philosophy of constitutionalism // Questions of philosophy. 2020. No. 2. P. 26–37 (in Russ.).
7. *Kravets I.A.* Anthropological constitutionalism and humanistic axiology of the legal status and dignity of the individual // Legal science and practice. 2020. Vol. 16. No. 3 (in Russ.).
8. *Kravets I.A.* Dignity of the individual: a dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality // Journal of Russian law. 2019. No. 1. P. 111–128 (in Russ.).
9. *Kravets I.A.* Constitutionalization of the dignity of the individual and the prospects of the right to social well-being // State and Law. 2020. No. 1. P. 41–53 (in Russ.).
10. *Kravets I.A.* Principles of Russian constitutionalism and the constitutionalization of the legal order. M., 2017 (in Russ.).
11. *Kravets I.A.* Russian constitutionalism: problems of formation, development and implementation. SPb., 2004 (in Russ.).
12. *Kravets I.A.* System of constitutionalism and constitutional government in the context of globalization: some contemporary approaches // Social Sciences and modernity. 2020. No. 4. P. 74–89 (in Russ.).
13. *Kutafin O.E.* Russian constitutionalism. M., 2008 (in Russ.).
14. *Medushevsky A.N.* Democracy and authoritarianism: Russian constitutionalism in a comparative perspective. M., 1997 (in Russ.).
15. *Mirandola J.P. della.* It's about human dignity // History of aesthetics. Monuments of the world aesthetic thought: in 5 vols / M.F. Ovsyannikov (ed.). M., 1962. Vol. 1. P. 506–514 (in Russ.).
16. *Nersesyants V.S.* Constitutionalism as a national ideology // Constitutional and legal reform in the Russian Federation: collection of articles / ex. ed. Yu. S. Pivovarov. M., 2000. P. 6–10 (in Russ.).
17. Human rights: encyclopedic dictionary / ex. ed. S.S. Alekseev. M., 2016. P. 187 (in Russ.).
18. *Romashov R.A.* Modern constitutionalism: issues of history and theory. SPb., 1998 (in Russ.).
19. Russian constitutionalism: problems and solutions: proceedings of the International conf. M., 1999 (in Russ.).
20. Modern Russian constitutionalism. Problems of formation and prospects of development / ex. eds. V.V. Komarova, G.D. Sadovnikova. M., 2017 (in Russ.).
21. *Teterkin A.A.* How should respect for human dignity be understood today? // Questions of philosophy. 2020. No. 2. P. 39 (in Russ.).
22. *Barilan Y.M.* Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw. Cambridge, MA, 2012. P. 1–22.
23. *Bennett G.* Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth. New York, 2016. P. 21, 134, 135, 141.
24. *Bostrom N.* Dignity and Enhancement. In Human Dignity and Bioethics. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 173.
25. *Brown G. (ed.)* The Universal Declaration of Human Rights in the 21st Century: A Living Document in a Changing World. Cambridge, UK, 2016. P. 1–6.
26. *Dales R. C.* A Medieval View of Human Dignity // Journal of the History of Ideas. 1977. Vol. 38. No. 4. P. 557.
27. *Dolinger J.* The Failure of the Universal Declaration of Human Rights // The University of Miami Inter-American Law Review. 2016. Vol. 47. No. 2. P. 165–167, 169.
28. *Dworkin R.* A Special Supplement: Taking Rights Seriously. The New York Review of Books. 1970. Vol. 15. No 11, December 17.
29. *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, Massachusetts, 1986.
30. *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. Cambridge, 1977. P. 198.
31. *Fukuyama F.* Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution. New York, 2002. P. 171.
32. *Gaylin W.* In Defense of the Dignity of Being Human // The Hastings Center Report. 1984. Vol. 14. No. 4. P. 18.
33. *Habermas J.* The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // Metaphilosophy. 2010. Vol. 41 (4). P. 472.
34. *Hartogh G. den.* Is human dignity the ground of human rights? // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword & D. Mieth (eds.). Cambridge, 2014. P. 201.
35. *Hughes G.* The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights // The Journal of Religious Ethics. 2011. Vol. 39. No. 1. P. 4.
36. *Juga I.* Transhumanism Between Human Enhancement and Technological Innovation // Symposium. 2016. Vol. 3 (1). P. 79–88.
37. *Kirchhoffer D.G.* Human Dignity and Human Enhancement: A Multidimensional Approach // Bioethics. 2017. Vol. 31 (5). P. 375. DOI: 10.1111/bioe.12343.

38. *Lee M. Y.K.* Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // *Asian Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 3 (1). Article 10. P. 1.
39. *Lee P., George R.P.* The nature and basis of human dignity. In *Human dignity and bioethics*, ed. President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 409.
40. *McCrudden C.* Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 722.
41. *Moyn S.* The First Historian of Human Rights // *The American Historical Review*. 2011. Vol. 116. No. 1. P. 79.
42. *Novak M.* Human Dignity, Human Rights // *First Things*. 1999, 97 (November). P. 39–42.
43. *Nussbaum M.* Human Dignity and Political Entitlements. In *Human Dignity and Bioethics*. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, 2008. P. 362–365. (P. 351–380.)
44. *Quataert J.* *Advocating Dignity: Human Rights Mobilizations in Global Politics*. Philadelphia, 2011. P. 4.
45. *Tatsiy V.* The Universal Declaration of Human Rights: The Worldwide Humanism Manifesto // *KritV, CritQ, RCrit. Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / Critical Quarterly for Legislation and Law / Revue critique trimestrielle de jurisprudence et de legislation*. 2016. Vol. 99. No. 1. P. 14–19.
46. *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives* by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth (eds). Cambridge, 2014. P. XVII.

Сведения об авторе

КРАВЕЦ Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета; 630090 Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Authors' information

KRAVETS Igor A. – Doctor of Law, Professor, head of the Department of theory and history of state and law, Constitutional Law of the Novosibirsk National research state University; 1 Pirogova str., 630090 Novosibirsk region, Novosibirsk, Russia